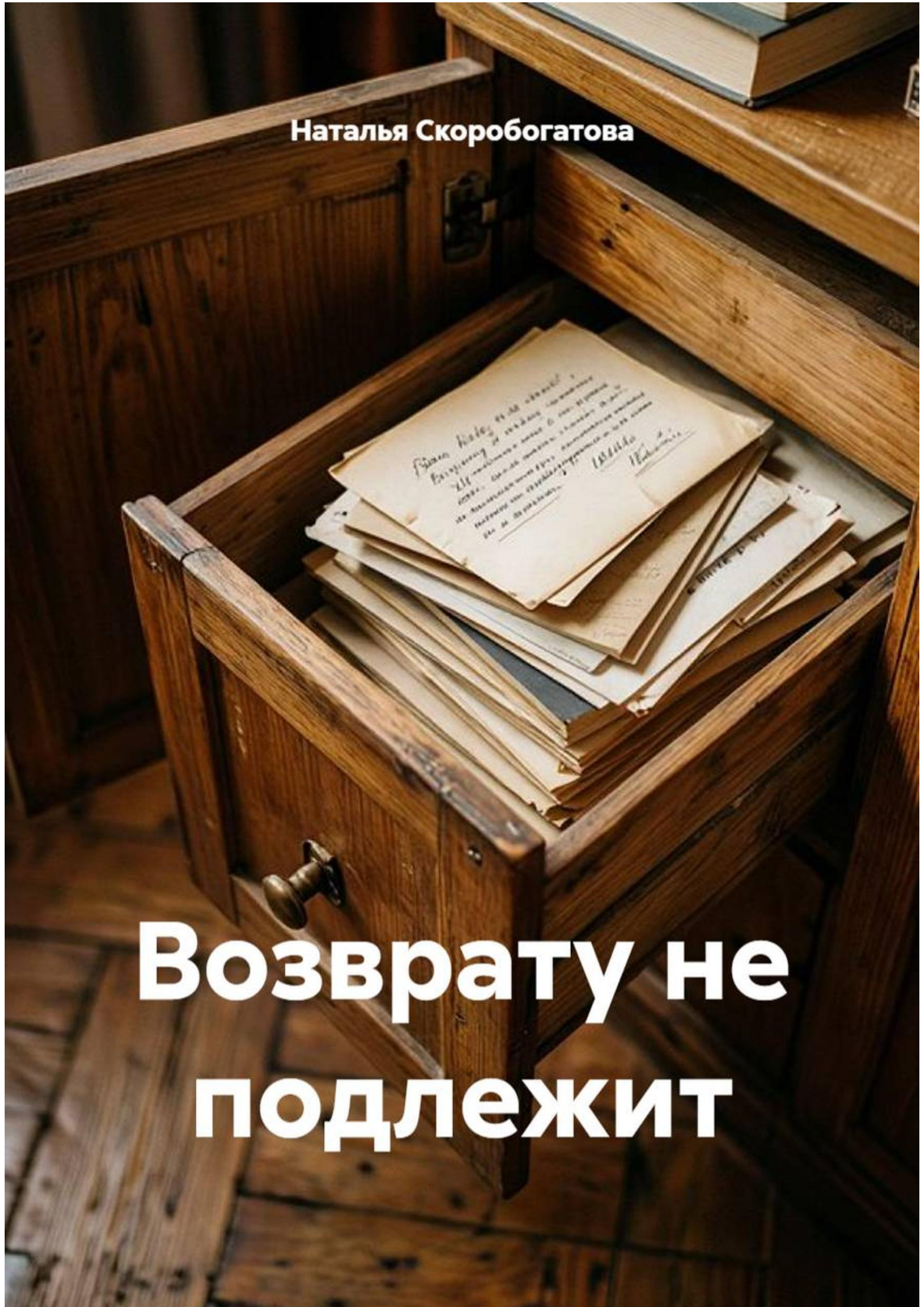

An open wooden drawer, likely from an antique desk or cabinet, is filled with a stack of old, handwritten letters and documents. The drawer is made of dark wood and has a brass handle. The papers are aged and yellowed, with some showing cursive handwriting. The background shows a wooden floor and a stack of books on a shelf above the drawer.

Наталья Скоробогатова

**Возврату не
подлежит**

Наталья Скоробогатова

Возврату не подлежит

«Автор»

2026

Скоробогатова Н.

Возврату не подлежит / Н. Скоробогатова — «Автор», 2026

Полина переезжает в петербургскую квартиру — ту самую, с высокими потолками, скрипучим паркетом и запахом чужой жизни. Она ищет здесь тишины для написания новой книги, а находит пачку писем, спрятанных в ящике старого шкафа. «Возврату не подлежит» — это роман о том, как чужая история становится своей. О цене молчания и цене слова. О том, что некоторые тайны хранят не ради себя — а ради тех, кого любят. И о том, что правда, однажды выпущенная на волю, уже никогда не вернётся обратно.

© Скоробогатова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Наталья Скоробогатова

Возврату не подлежит

Глава 1

Картонная коробка с книгами весила так, будто внутри лежали не романы и черновики, а чугунные утюги. Полина перехватила её снизу, уперлась бедром и сделала ещё три шага вверх по крутой лестнице. Подъезд старого доходного дома со ступенями, выщербленными по центру за сотню лет чужими подошвами, отзывались на каждый шаг глухим эхом. Перила из витого чугуна холодили ладонь, а в воздухе подъезда стоял знакомый с детства петербургский дух: сырая штукатурка, доносимый с улицы запах двора-колодца и слабый, едва уловимый аромат заваренного где-то этажом ниже травяного чая.

На площадке четвертого этажа Полина остановилась, чтобы перевести дыхание. Руки мелко подрагивали от тяжести, пальцы затекли. Она уже потянулась в карман пальто за связкой ключей, которые риелтор отдал ей всего два часа назад у метро, но замерла: высокая двустворчатая дверь квартиры номер восемнадцать была приоткрыта, в узкую щель пробивалась полоса теплого рассеянного света, а из глубины коридора доносился отчетливый сухой шорох, словно кто-то перебирал плотную бумагу, с глухим стуком перекладывал папки и тяжело шагал по паркету.

Полина нахмурилась. Агент уверял, что жильцы выехали ещё на прошлой неделе, оставив ключи в конторе, и что квартира полностью готова к заселению. Мысль позвать на помощь или спуститься вниз мелькнула и тут же пропала: бросить на лестнице коробку со всем своим писательским архивом и ноутбуком она бы не согласилась ни за что на свете, поэтому Полина толкнула тяжелое дверное полотно мыском сапога и шагнула в полумрак прихожей.

— Есть кто-нибудь? — громко спросила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не испуганно. Шорох в глубине комнат мгновенно прекратился. Послышались быстрые, жесткие шаги, скрип половиц, и в проеме высокой двери показался силуэт.

Мужчина, стоявший перед ней, меньше всего походил на грабителя или бродягу: высокий, лет тридцати пяти, в темном шерстяном свитере с закатанными до локтей рукавами и в строгих брюках. Темные волосы были слегка взъерошены, на переносице залегла четкая складка, а под серыми глазами читалась та въедливая сухая усталость, которая появляется не от физического труда, а от многочасовой возни с чужими документами и нерешаемыми проблемами. В руках он держал стопку картонных скоросшивателей с пожелтевшими корешками.

Мужчина окинул Полину быстрым, цепким взглядом, словно оценивая ее пальто, шарф крупной вязки, сбившуюся набок прядь светлых волос и тяжелую коробку, которую она все еще прижимала к животу. Ни капли смущения на его лице не появилось, напротив, брови сошлись к переносице еще плотнее.

— Не трогайте здесь ничего, — коротко и резко бросил он, даже не поздоровавшись. Голос оказался глуховатым, низким и совершенно лишенным приветливости. — Квартира полна чужих бумаг. Тут разбираться и разбираться, а вы только пыль поднимете.

Полина опешила от такого тона. Мышцы рук окончательно отказали, и коробка с глухим деревянным стуком опустилась на паркет прихожей прямо у ее ног. Пылинки взметнулись в полосе света.

— Прощу прощения? — Она выпрямилась, одергивая полы пальто. — Вообще-то, добрый день. И я бы с удовольствием ничего не трогала, если бы это не было моим жильем.

Мужчина на мгновение замер, глядя на нее поверх папок. В его взгляде мелькнуло раздражение пополам с недоумением.

— Вашим?

— Моим. — Полина расстегнула сумку, достала сложенный вчетверо лист плотной бумаги с синей печатью агентства и протянула вперед. — Вот, договор аренды — подписан сегодня утром, оплата внесена за три месяца вперед, включая залог. Агент сказал, что предыдущие жильцы съехали, вещи вывезены, а квартира свободна, так что сейчас я нахожусь на абсолютно законной территории. А вот кто вы такой и что делаете у меня дома — вопрос куда более интересный.

Мужчина не стал брать договор, лишь скользнул взглядом по шапке документа, задержался на подписи арендодателя и шумно выдохнул сквозь зубы. Напряжение в его плечах не исчезло, но раздражение сменилось досадой человека, у которого внезапно сорвался тщательно выстроенный график.

— Чертова путаница, — вполголоса произнес мужчина, глядя куда-то в сторону лепного карниза под потолком. Затем снова посмотрел на Полину. Взгляд его оставался сухим, но откровенная резкость ушла. — Срок передачи ключей стоял на завтрашний вечер. Агентство явно решило поторопиться, чтобы закрыть сделку до выходных.

— Мне нужно было куда-то привезти вещи, — возразила Полина, чуть смягчив тон, но не убирая договор. — Внизу стоит машина с остальными коробками. Водитель ждет отмашки.

Мужчина несколько секунд молчал, видимо, взвешивая в голове варианты: спорить, требовать отложить заселение или отступить. Здравый смысл победил быстро. Он опустил папки на край старинного консольного столика у зеркала и потер переносицу пальцами.

— Спорить бессмысленно, — констатировал мужчина ровным деловым тоном. — Вы правы, бумага у вас на руках. Я не собирался устраивать скандал, мне просто нужно было забрать последнее. — Он развернулся и быстро зашагал обратно в большую комнату. Полина, помедлив секунду, шагнула следом, переступив порог.

Комната оказалась огромной — шагов двенадцать в длину и столько же в ширину, с двумя высокими арочными окнами, выходившими на туманную гладь канала, — но сейчас выглядела разоренной. Вдоль дальней стены высились стопки перевязанных шпагатом журналов, на подоконнике стояли раскрытые коробки из серого упаковочного картона, а по всему полу белели разрозненные листы машинописного текста.

Мужчина двигался быстро, экономно, словно делал эту работу уже не первый день и отчаянно хотел с ней покончить. Он сгреб со стола несколько увесистых канцелярских папок с завязками-тесемками, уложил их в большую коробку, стоявшую прямо на полу, и заклеил верх широким коричневым скотчем. Треск разрывающейся ленты прозвучал в пустой комнате оглушительно громко. Полина наблюдала за ним из дверного проема. Ее профессиональное журналистское чутье, годами натренированное выхватывать детали, включилось само собой: на запястье мужчины блеснули классические часы со стальным браслетом, свитер был из качественного меринеса, движения же выдавали человека, привыкшего отдавать распоряжения в чистых офисах, а не дышать вековой пылью над чужими архивами. Мужчина выглядел чужим среди этого старого ленинградского уюта — чужим и откровенно несчастным от необходимости здесь находиться.

— Это вещи ваших родственников? — осторожно спросила Полина, нарушая тишину.

Мужчина на секунду замер над запечатанной коробкой, но не обернулся, а подхватил за прорези в стенках и отрезал:

— Это семейные дела. Которые вас не касаются.

Мышцы на его предплечьях натянулись. Он выпрямился, повернулся к выходу — Полина инстинктивно отступила на шаг в коридор, освобождая дорогу, — поравнялся с ней и на мгновение задержал на ней взгляд. Вблизи стало заметно, что серые глаза у него удивительно внимательные и цепкие, из тех, что подмечают каждую мелочь, даже когда владелец пытается казаться равнодушным.

Мужчина не назвал своего имени, не извинился за первоначальную грубость и не попросился по всем правилам вежливости, но уже у самой входной двери, взявшись за кованую бронзовую ручку, притормозил и обернулся через плечо. На лице его отразилась странная смесь предупреждения и глухой неприязни к тому, что оставалось за его спиной.

— Будьте осторожнее с тем, что здесь осталось, — произнес он негромко, но очень отчетливо. — Тут много старых вещей — лишних вещей. Не всё, что лежит в шкафах, стоит вытаскивать наружу. Выбросите то, что вам мешает, но не лезьте глубже.

Дверь щелкнула замком, отрезая звук его шагов по лестнице. За порогом снова послышалось сухое эхо чугунных перил и шорох подошв, который быстро затих где-то внизу, сменившись тяжелым металлическим стуком парадной двери. Полина осталась одна.

Несколько минут она стояла посреди прихожей в абсолютной тишине, прислушиваясь к звукам дома. С улицы, сквозь двойные рамы, доносился приглушенный гул проезжающих по набережной редких машин и крик чайки, кружившей над каналом. Полина медленно стянула перчатки, сунула их в карман и прошла в центр большой комнаты.

Паркет под ногами отозвался мелодичным, сухим скрипом — старое наборное дерево, выложенное когда-то сложной елочкой, давно ссохлось, но держалось крепко. Воздух в квартире был особенным, густым, в нём смешались запахи слежавшейся бумаги, известковой побелки, канифоли и чего-то сладковато-пряного, похожего на сухую лаванду или воск, которым десятилетиями натирали массивную мебель. Потолки уходили вверх метра на четыре, теряясь в тени, где по углам висала затейливая гипсовая лепнина в виде виноградных лоз. На выцветших обоях с блеклым, почти стершимся цветочным узором четко выделялись темно-серые прямоугольники и полосы — следы от картин, настенных часов и книжных полок, которые висели здесь когда-то годами, а теперь исчезли, оставив лишь пыльные контуры прошлого.

Полина подошла к окну. Вид открывался именно такой, о котором она мечтала все эти месяцы, пока копила деньги и мучилась над первыми главами застрявшего романа: свинцовая вода канала, отражающая низкое осеннее небо, кованые решетки набережной и мокрые кроны лип, с которых ветер срывал последние бурые листья. Это было идеальное место — место с историей, голосом и глубоким тихим дыханием, способным вытащить наружу любую застывшую строчку.

Однако странный холодок недосказанности, оставленный ушедшим мужчиной, не рассеивался. Полина оглянулась. В углу комнаты, возле старинного трехстворчатого шкафа темного дерева, притулились еще две картонные коробки — судя по всему, те, до которых у незнакомца просто не дошли руки. Из-под неплотно прикрытой крышки одной из них сиротливо выглядывал край плотного серого конверта, перевязанного выцветшей тесьмой.

«Не всё стоит вытаскивать наружу...» Полина подошла ближе, замерла над коробкой и тихо вздохнула: мужчина определенно что-то недоговорил, и если он так спешил забрать оставшееся, почему бросил самое ветхое? Любопытство — главный порок и главное оружие того, кто берется писать истории, — шевельнулось где-то под сердцем, вытесняя усталость от дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.